

Вечерний Ленинград г. Ленинград

НОВЫЕ
КНИГИ

ВКУС ПРАВДЫ

Эта книга вышла после смерти автора. Писатель Сократ Сетович Кара свои последние шестнадцать лет был прикован к постели. Но остался в строю. Работал непрестанно, упорно, много и, главное, талантливо. С искусством, о котором он писал, сблизил его в последнее время маленький телевизор «Электроника-100». А книгу «Вкус правды» написал он об актерах, которых давно знал.

Поначалу я думал, что название книги — просто поэтическая метафора. Каждому автору лестно сообщить читателю, что все им написанное — чистейшая правда, тем более, если речь идет о книге художественно — документального плана. Так думал я, читая две первые главы, не слишком меня захватившие. Но стоило дойти до третьей главы, посвященной известному артисту театра и кино Владимиру Ростиславовичу Гардину, как стало очевидно: Кара неспроста дал книге такое название. Он решил ничего в своих героях не затушевывать, не прикрашивать.

Прямо и откровенно рассказал С. Кара о своих еженедельных субботних встречах и беседах с Гардиным. Атмосфера этого растянувшегося на год диалога окрасила главу в резкие, контрастные тона. В первом же абзаце автор рекомендует своего героя как «человека весьма и весьма своеобразного». Тут же свидетельствует: «Гардин смеялся редко, почти всегда злорадно и не над тем, что смешно, а что каверзно, дурно». Первые штрихи необычного портрета, и какие выразительные и острые!..

На следующей странице — рассказ самого актера:

— Сижу это я как-то на скамейке в саду. Проходят мимо две молодые особы... Одна из них говорит подружке: «Никак не могу припо-

мнить, откуда я знаю этого мерзкого старика?... Другая отвечает: «Я тоже знаю его, он мне какую-то гадость сделал»...

Разумеется, девушки видели актера впервые в жизни. И, конечно же, в их сознании он навсегда слился с образом Иудушки Головлева, блестяще сыгранного актером в кино. Мимолетно услышанный разговор несколько не огорчил актера.

Читая главу, мы узнаем и об огромном трудолюбии Гардина, его упорстве в достижении поставленной цели, его оригинальном даре, о лучших его ролях, вошедших в историю театра. Но порой кажется, что лучший созданный им образ — образ Иудушки Головлева — в какой-то степени совпал с некоторыми чертами характера самого Гардина — язвительностью, жестокостью, недобротой. Не могу исключить и того, что глубокое проникновение в роль, перевоплощение были так сильны, что полностью от них отключился артист уже не мог. Так или иначе, но облик большого артиста во всем противоречии его личных и творческих качеств возник в книге с удивительной яркостью и полнотой.

В еще большей степени ощутил я смысл названия книги, когда читал главу «Остро-то правды» (как, однако, дорога была автору идея правдивости, если он решил поставить это слово — правда — не только в название книги, но и в заголовок главы!). Впрочем, эта глава имеет еще и подзаголовок, будто еще усиливающий авторскую позицию, — «Полемические заметки». И посвящены они известному русскому и советскому артисту Николаю Николаевичу Ходотову.

Ходотов — один из тех корифеев театра, что принадлежали двум эпохам: дореволю-

ционной русской сцене и молодому советскому театру. Артист родился в 1878 году, успел сделать блестящую сценическую карьеру в ролях классического и современного ему репертуара, стать младшим партнером Комиссаржевской и полюбить эту замечательную артистку и женщину. А ушел Ходотов из жизни в 1926 году, и неполные девять лет, отданные советскому искусству, оказались логичным продолжением его нравственных и политических взглядов, позиций, устремлений.

Тут-то и начинается полемика Сократа Кары с теми, кто при жизни Ходотова и особенно после его смерти по различным причинам пытался принизить облик и заслуги артиста. «Правда умеет быть неудобной, колючей, но бояться ее остроты незначем», — пишет Кара. Эта фраза относится в книге к перипетиям «самого большого романа» в жизни Комиссаржевской, любившей Ходотова. Но эти же слова можно отнести и ко всей главе.

Замечательному артисту не очень повезло в мемуарной литературе, а отдельной монографии о нем до сих пор нет. В некоторых воспоминаниях, написанных людьми объективными (книги Е. И. Тиме, Т. Л. Щепкиной-Куперник, Я. О. Малютина), правдиво рассказывается о гражданской позиции Ходотова накануне революции: артист читал с эстрады нелегальные стихи, помогал подпольным рабочим организациям, ощущал себя гражданином будущей свободной России. (Ходотову случилось как-то спросить петербургского градоначальника генерала Драчевского, почему ему, артисту императорской сцены, запрещают читать на эстраде даже произведения, разрешенные цензурой. «Все цензурное приобретает в ваших устах характер нецензурный», — от-

ветил градоначальник.)

С другой стороны, в наиболее популярных, широко и заслуженно известных воспоминаниях Ю. М. Юрьева — они стали важнейшим источником информации о том беспокойном театральном времени — облик Ходотова упорно и тенденциозно принижается, даже унижается. Автор книги «Вкус правды» восстает против этого.

Юрьев, верно отразивший нравы и жизнь Александринского театра, давший правдивые и глубокие портреты его актеров, в своем очерке о Ходотове преобладает: становится скучным на слова, желчным, необъективным. Маститый мемуарист идет на то, что искажает содержание и смысл некоторых фактов, искажает даже содержание и смысл некоторых документов, в частности писем Комиссаржевской! Сократ Кара вступает в непримиримый спор с широко известным мемуаристом, голос которого в его книге звучит и еще многие десятилетия будет звучать. Тем важнее правда! Кара отстаивает ее. И делает это непреклонно.

В книге «Вкус правды» есть и прекрасная глава о замечательном советском артисте Николае Федоровиче Монахове — амплитуда его необычайных возможностей охватывала своими крайними точками оперетту и трагедию. Есть глава о двух знаменитых титанах Александринского театра — Варлаамов и Давыдове: интересен и сам замысел объединить рассказ о двух этих актерах в одном очерке...

И очень горько знать, что эта талантливая книга, выпущенная недавно Лениздатом, останется последней книгой писателя. Редактор Кира Куликова довела книгу до читателей. А Даниил Гранин написал послесловие, закончив его словами: «На примере Сократа Сетовича Кары мне стало ясно, как много может сделать литератор, для которого «служение музам» дороже личной славы...»

Юрий АЛЯНСКИЙ